

АВТОРИТЕТ ВЛАСТИ**Т.Б. ЛЮБИМОВА*

Власть реализуется в принятии значимых решений. Объем значимости определяется, с одной стороны, величиной группы (коллектива, сообщества), для которой принятое решение является обязательным; с другой стороны, необходимо также, чтобы это решение получило признание со стороны сообщества, для которого оно предназначено. Признание достигается не только посредством силы принуждения, но и через авторитет носителей власти, будь то отдельные личности, институты или государство в целом.

Знаменитый пассаж («господин и раб») из «Феноменологии духа» Гегеля, касающийся образования первоэлемента власти и ее признания, который одновременно есть и первый шаг самосознания, открывает в центре признания власти страх смерти, преобразованный в готовность к смерти (и своей, и чужой). Так образуется связка «господство—подчинение». Этот первоэлемент разворачивается как история сознания и одновременно как становление истины самой истории, в этом раскрывается тайна власти и ее возможного авторитета, необходимость ее признания со стороны подвластных. Основания авторитета могут варьироваться.

В традиционном обществе власть имеет метафизическое основание, авторитет приобретает посредством ссылки на духовную инстанцию, власть может оправдываться и чисто религиозными аргументами, освящаться от имени божественного (воли Бога, «нет власти аще не от Бога»), от имени тайных сил, как правило, носители власти не пренебрегают и обращением к магии, да и само действие власти проявляется магически. Авторитет власти может приобретать и харизматическую окраску. Метафизическая и религиозная точки зрения различаются интенцией: первая имеет в виду универсальный порядок, а вторая – личное спасение, первая выражает собой интеллектуальную сущность человека, а вторая – преимущественно мир чувств и воли.

В современном мире признание власти при поверхностном взгляде предстает как рациональное (эту видимость создают различные демократические институты). Здесь отношения духовного и светского перевернуты, светское получило автономное существование, санкция со стороны духовного не обязательна. Власть становится легитимной через посредство вполне явных процедур, выборов, представительства, ссылок на «волю народа».

Авторитет власти в современном обществе необходимо поддерживать.

В противоположность традиционному обществу с его характерным иерархическим устройством, устойчивость которого обеспечивалась всеми представлениями, концепциями и принципами, присущими

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Культура и власть», проект № 12 03 00095.

традиционной культуре, здесь (в демократии) нет устойчивой иерархии на основании духовной шкалы, шкалы качеств. Если взять наиболее известный и лучше всего сохранившийся исторический пример, то система *варн в Индии* (разумеется, имеется в виду именно принцип, а не эмпирическое состояние современного индийского общества, которое уже нельзя считать полностью традиционным) была не столько социальной стратификацией, сколько метафизическим принципом, пронизывающим насквозь всю индийскую культуру. Это разделение на *варны* покоится на принципе космического устройства как результата вращения трех *гун* (метафизические начала проявленного мира). Брахманы воплощают собою саттву, кшатрии — саттву и раджас; это высшие варны, представляющие собою соответственно духовный авторитет и светскую власть. Две низшие варны — вайшьи воплощают собою раджас и тамас, а самая низшая варна, шудры, только тамас (саттва — это благодать, белый цвет; раджас — страсть, активность, красный цвет; тамас — невежество, черный цвет). Таким образом, принцип соответствия космоса, социума, человека и его качеств обеспечивал гармонию и возможности всех членов общества (ведь *гуны* вращаются, и в любом месте социума есть возможность, пусть и невидимая или отдаленная, для достижения духовного состояния, освобождения и просветления). Духовный авторитет естественным образом давал санкцию и придавал законность светской власти. Такой авторитет не подвергается никакой опасности, и прежде всего он не может быть подвергнут сомнению. В традиционном Китае также метафизический принцип пронизывал все стороны жизни — культуру, социум, частную жизнь конкретного человека. Этот принцип представлен в И-Цзине. Однако в силу иного воплощения традиции, социальная иерархия также имела свои особенности. Мы приводим эти два примера только для того, чтобы оттенить судьбу западных социумов, в устройстве которых отчетливо видно не метафизическое основание социального разделения, а религиозное, которое, ослабев, также в силу другого воплощения традиции, привело к уничтожению иерархического (духовного) принципа.

Не так, как в приведенных примерах, обстоит дело в современном социуме, в котором «власть принадлежит народу», ее авторитет зависит от всенародного признания. Западный мир пришел к демократии, по самому своему принципу противоположному иерархическому строению, основанному на духовных качествах. Надо сказать, что понятие «народ» не свойственно традиционному социуму, оно укоренилось именно в демократическом обществе. Причем определяется оно негативно, хотя как раз народ создает самоотжество общества: «Слово “народ” наряду с другими значениями имеет тот особый смысл, что содержит противопоставление с любым государственным учреждением и магистратурой. Народ есть те, кто *не* правит, *не* репрезентирует, *не* осуществляет функции, организованные ведомственным образом... Специфическое в понятии “народ” заключается в том, что народ является не оформленной и никогда до конца не оформляемой величиной»².

Таким образом, народ возникает из населения вместе и в противопоставлении правлению, функционированию учреждений, репрезента-

ции власти в определенных персонах, и что особенно знаменательно, в противопоставлении оформленности. То есть народ, будучи носителем культуры и субъектом государства (оно властвует, но от имени народа), не имеет никакой определенной государственной или культурной формы. Нет государства и культуры без народа, равно как и наоборот. Эта своеобразная замкнутость друг на друга на уровне понятий – специфический характерный признак современного западного общества. Здесь нет необходимости ни в метафизическом, ни в религиозном оправдании власти. К такого же рода понятиям относятся «природа», «культура», «человечество», «высшие ценности», «демократия».

Такие понятия в принципе не могут быть определены иначе, чем через отрицание, т.е. негативно, они не могут быть окончательно оформлены предметно. Но без них и невозможно обойтись, они подобны регулятивным понятиям разума И.Канта, можно очертить их смысл, но нельзя указать эмпирического референта с достаточной очевидностью и убедительностью для разума. Их следует употреблять, как если бы соответствующие им предметы существовали реально, но реальность их особая, и вне работы воображения невозможно говорить о них как о действительных понятиях. Культурный объект возникает только тогда, когда его воспринимает и принимает культурный человек. Человечество существует (начинает существовать) только тогда, когда о нем вспоминает и мыслит человек. Так же и с властью: она проявляется через ее признание, согласие на исполнение ее решений. Но это особое существование несуществующего, одновременно привлекающее и отталкивающее. Метафизически ее авторитет понятий именно через включение категорий возможного, действительного и реализации.

Если обратиться к конкретике исторического материала, то в игру вступают очень многие обстоятельства и параметры, весь стиль культуры, если так можно выразиться. Например, Борис Годунов как носитель верховной власти и отнюдь неплохой исполнитель этой роли не был признан народом, несмотря на помазание на царство (духовная санкция) и на все его усилия заботиться о народе. И как результат – смута. Это произошло из-за противоречия между устойчивым стандартом представления о законности царской власти, которая «от Бога», но в то же время убеждения, что власть должна принадлежать старинной царской династии, династии Рюриковичей. Интересно, что в истории ни одна из прерванных династий не смогла восстановиться на сколько-нибудь длительное время. Этот случайный момент (историческое событие в этом смысле всегда содержит момент случайности), это обстоятельство (т.е. противоречие двух моментов обоснования законности власти) привело к роковым историческим последствиям. Культура предоставляет бесконечное многообразие подобных случайных моментов, в которых исполняется власть, сущность которой довольно единообразна: это принятие значимого решения и способность навязать это решение другим.

На уровне метафизики культура предоставляет воображаемые возможности и общие схемы их реализации. В этом смысле она полна неопределенности. Но это оформленная неопределенность. Точнее

сказать, ее состав двуслойный: статичный слой и изменчивый, даже динамичный. Первый суть образцы и стандарты, т.е. устойчивые формы, второй – место бесконечного приспособления к новым ситуациям, место поиска, творчества; этот второй слой как некий покров облекает собою бесчисленные флуктуации и возможные резкие перемены в наличной действительности множественной и разнообразной общественной и частной жизни.

Осуществление власти прекращает бытие неопределенности, ведь решение есть перевод из неопределенного множества возможностей в оформленную, определенную действительность. Этим, вероятно, отчасти объясняется патологическая страсть, называемая властолюбием. У нее нет рационального объяснения, ведь ради нее человек готов нередко пойти на любые жертвы и любые преступления. Проект властолюбца – овладеть всем миром, навязать себя миру. В практике, как объясняет Ж.-П. Сартр, человек превосходит свои обстоятельства, создавая проект. И хотя сам проект никогда не может быть исполнен как таковой (в силу «иронии истории», если речь идет об историческом проекте), сам факт его реализации или реализуемости доказывает человеку действительность его самого для самого себя; воздействуя на ситуацию (или на другого человека, или на вещь), он активизирует чувство силы своего собственного «я». Но это «я» ограниченное и эмпирическое. Делая воображаемое действительным, человек подтверждает, прежде всего, свою собственную действительность, свое «я», а, следовательно, свое участие в истории, а значит, и свою истинность. Ведь истина не есть то, что дано, на что можно указать, она разворачивается в Бытии, а для человека – в его историческом бытии, т.е. во всей истории. Желание быть действительным (реализовать свой проект и самого себя через свои проекты) есть подоплека воли к власти, а подавление другого, т.е. господство есть, в сущности, следствия этой жажды быть реальным. Иными словами, воля к власти, комплекс власти (если брать психологический аспект) есть не чувство, не мысль и даже не собственно воля. Если встать на метафизическую точку зрения, то это есть восполнение, утолнение дефицита реальности. Роковым образом путь восхождения по лестнице власти над людьми и вещами (власть над вещами, реальными и виртуальными можно назвать богатством, поэтому деньги и власть суть две высшие ценности современного человека) упирается в идею мирового господства, если доводится до своего логического предела. Так называемые великие личности, завоеватели (Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон и т.п.) стремились охватить своей властью весь мир, но и в меньшем масштабе движущее властное стремление по своей личностной сути то же самое: охватить собою мир и перевоссоздать его по своей свободной, как представляется этому властному «я», воле. Психологически это означает «стать богом», творцом мира. Но «золотая рыбка», послушная человеческим воле и желанию, в последний момент отказывается исполнить самое заветное желание. Крах неизбежен, хотя он никогда и не предвидится.

В традиционном обществе такое развитие событий невозможно, поскольку границы *варн* ненарушимы. Эпизод из Махабхараты, пове-

ствующий о восстании кшатриев (им принадлежит власть в социуме) против брахманов (они наделены духовным неоспоримым авторитетом), подтверждает это, поскольку именно с этого момента, когда была нарушена граница между *варнами*, началась деградация человечества. Так считается в этой древней традиции. Таково метафизическое объяснение (оно, конечно, этим не исчерпывается, и это восстание есть скорее *знак* начавшейся деградации, нежели ее причина). Как отмечалось выше, религиозная точка зрения сжимает горизонт универсального до индивидуального спасения.

Религия в современном социуме не может выполнять ту универсальную задачу, которую брала на себя метафизика в традиционном обществе. Религия всегда присутствует в социальном поле как организация, осуществляющая контроль над внутренней и через нее над внешней жизнью индивида, она есть проводник социального контроля посредством воздействия на самые тонкие струны души. В отношении к власти она претендует на верховенство если не напрямую (как при теократии), то через посредство внушений и идеологических воздействий. И хотя, конечно, та роль, которую она играла в средневековом социуме, теперь ей не под силу (говоря образно, она похожа на «старые мехи для нового вина»), власть, за неимением адекватных способов интеграции современного, изменившегося и усложнившегося социума, пытается обращаться к ней за помощью. Это весьма недалководно. И главная опасность здесь в том, что современный социум не допускает монополии в сфере идеологии, а религия, наряду с другими институтами культуры, играя на этом поле, всегда стремится к монополии в силу своей абсолютной претензии на истину. Монополия в этой сфере принудительно ограничивает свободу мышления, посягая на ограничение свободы совести. В современном же мире, информационном, где знание и не скованное догмами мышление есть основной ресурс, такое ограничение губительно для культуры и социума, а для нашей страны в особенности. Но нужно ли сводить свободумыслие только к политической сфере? Политика есть в этом отношении лишь следствие общего интеллектуального уровня данного социума.

Конечно, противопоставлять власть и культуру можно только условно, поскольку культура есть всеобъемлющее понятие для всех форм социального взаимодействия, это есть символический уровень социальности, без которого в социуме не происходит ничего. Поэтому и власть реализуется исключительно в формах культуры и является ее наиболее выраженной частью, может быть даже более выраженной, чем другие ее институты, искусство, религия, право и т.д. То, что понимается под термином «культура» в обыденном смысле, помещает проблему между двумя полюсами, активный полюс – власть, пассивный – культура, которую надо защищать и поддерживать. Однако власть в такой же мере зависит от культуры, как и она от власти. Они существуют в одном информационном поле. Это поле и есть культура, а власть есть ее лицо, даже выражение лица. Выразительны и все остальные части (поля) культуры (общего поля). Но эта выразительность уменьшается, приближаясь к самым общим, доминантным категориям. Упомянувшееся выше понятие народа неопределенно

и не оформлено, точнее, даже не само понятие, которое можно определить негативно по отношению к формам власти, а именно тот объект, к которому это понятие относится. Подобно этому в каждой конкретной культуре есть много таких, на первый взгляд очевидных (для носителей самой культуры), но неопределимых и неоформленных, понятий.

Например, что для западной культуры понятие «природа»? Это понятие имеет свою историю, параллельную становлению современной науки, оно есть продукт религиозной точки зрения (природа сотворена Богом, это результат творения). Реально же понятие возникало из определенной интеллектуальной практики, в которой идея творения, а, следовательно, определенного и очерченного предметного мира, получает возможность эмпирического исследования. Иными словами, наука создает природу, изучая ее, аксиоматически полагая ее независимое от себя существование, на деле же природа есть продукт культуры, а не наоборот.

В традиционной культуре, в которой нет идеи творения («проявление» не есть творение), нет и идеи природы в западном смысле слова. Нужен был позитивизм, чтобы появилась «природа» естественных наук, ведь *фюзис* греков это не то же самое, что природа физиков. Отсюда и понимание культуры как противоположности природе тоже недавнее изобретение, и то, к чему это понятие применяется, также попадает в «тиски» сегодняшнего мировоззрения, далекого наследника позитивистского переворота. Власть над людьми и обществом меняет свою модальность параллельно со становлением власти над «природой» развивающейся науки.

Этот процесс меняет и субстанцию самой культуры. И, возвращаясь к нашей теме, отметим, что требование демократии там, где нет «народа», и в соответствии с этим перестановка всех акцентов и изменений всех смыслов, приводит к разрушению всех структур социума и культуры. Культура из действующей и живущей превращается в музей. Ее «экспонаты» предназначены для демонстрации, но не для реализации. В качестве экзотики, под лозунгом сохранения культурного многообразия, сохраняется не живая традиция, а внешняя оболочка, скорлупа. Именно поэтому музей (а в музее только умершие произведения, оторванные от почвы) занял такое место среди культурных феноменов. Музеи созданы скупыми для мертвых. Поэтому нельзя смешивать музей и культуру, подобно тому, как нельзя отождествлять религию и духовную жизнь. Они не только не одно и то же, но будучи замещениями, становятся, если претендуют на главенство, опасными. Меняются не только сами институты культуры, но и связи между ними.

Вообще посредниками между властью и всеобъемлющим информационным полем культуры могут выступать самые разные образования. Ближайшим таким посредником является закон и право, следовательно, правосознание. Более опосредованными связями обладают религия, искусство, образование, наука. Налаживание многообразных гармоничных и, можно даже сказать, органичных организационных связей в социуме, в том числе, и между всеми названными социокультурными институтами, обеспечило бы власти неоспоримое признание, не говоря уже о том, что просто сделало бы нашу жизнь более сносной, менее хаотичной. Это не

означает, что эти культурные образования должны быть просто проводниками решений власти, обслуживать ее. Напротив, в разной степени и вообще по-разному они реализуют и поддерживают уровень свободы, достигнутый в данном социуме, включая и свободу по отношению к самой власти.

Не многообразие создает хаос, а напротив, жесткая тотализация. Тотализация, на самом деле, внутренне присуща самой социальной практике, она неизбежна, но всегда подвижна, временна и не завершена. Всякое «*всеобщее*» (тотальное) никогда не достигает *все*-общего, последнее остается в плоскости регулятивных идей. Идеология (в образовании которой участвуют все институты культуры) должна быть полем разнообразных информационных возможностей, ее предназначение не закрывать возможности, запрещая о них думать, а раскрывать максимум возможностей для работы, прежде всего, ума, мышления.

Без идеологии социума не бывает, это и есть общее информационное поле культуры, подобно магнитному полю в физическом мире, оно невидимо, но пронизывает собою всю действительность. Все институты культуры, включая, разумеется, и власть, помещены в это поле, облучены им, если можно так выразиться. И в современном социуме самое важное — способность ориентироваться в этом информационном безбрежном поле. Религия всегда стремится к монополии в идеологии, к власти над душами («ловцы душ»), а значит и к власти в социуме. Этот социокультурный институт сложился исторически и, следовательно, отвечал на запрос определенного «состояния мира» (Гегель). Религии возникают и сходят с исторической сцены. У каждой своя история. На каждом этапе своего развития религия в социуме может исполнять разные функции. Состояние мира меняется, и меняются формы культуры и социальной организации. Но согласованы ли они? И можно ли достичь их гармонии?

Весь мир идей есть наше информационное поле для деятельности мышления. Отношения между властью и духовным истоком ее авторитета в информационном поле могут и должны меняться, только в традиционном мире они могут оставаться неизменными, поскольку сам духовный порядок в нем был неизменным и иерархическим, а вершина иерархии была представлена интеллектуальной элитой, хранительницей метафизического (высшего) знания. Отсутствие иерархии, интеллектуальной элиты и самого метафизического познания ведет к тому, что светской власти приходится искать опору для своего авторитета в религии, в других формах культуры.

Никакой работы по освобождению мышления, которого требует «состояние нашего мира», сейчас никем не проводится. Напротив, демонстрируется пренебрежение к интеллекту, разрушение образования, науки, притеснение философии. Политика клонится в сторону обскурантизма с технологическим уклоном. Следовательно, проявляется и крайняя степень деградации власти, ведь здесь возникает обратная связь: чем больше пренебрежения к интеллекту, тем хуже власть может ориентироваться в сложном мире, она буквально теряет ориентиры. Чем более ущемлен интеллект, тем менее он способен предоставить власти обзор данных и

скрытых возможностей, тем менее доверия к тому, что должно быть интеллектуальной элитой и чем она должна быть; но ослабление ее, как показывает наш исторический опыт, приводит к неизбежной катастрофе.

И власть обращается к религии в поисках способов интеграции социума, для обретения авторитета, но у самой религии он не достаточно высок в современном мире, а значит, недостает и интегрирующей силы.

В нашей же стране не может быть предпочтения ни одной из религий, ни одному религиозному движению, группе, инициативе. Религий может быть сколько угодно, и чем больше их будет, не только в нашей стране, но и в мире, тем меньше вероятности войн на религиозной почве. Парадокс такого плюрализма состоит в том, что многого (в данном случае в мире идеологии) невозможно без общего для этого информационного поля, т.е. без объединяющей субстанции неявного единства. Единство может обозначаться регулятивными идеями, т.е. такими, для которых нам не могут быть даны соответствующие объекты в качестве познаваемых нашими органами чувств, но они необходимы для интеграции нашего разрозненного опыта. К таким идеям относятся не только перечисленные И. Кантом, но и упоминавшиеся выше идеи «человечества», «природы», «народа» и т.п.; подобно идеям Бога, бессмертия и свободы, и эти понятия бытуют только в разуме и воображении, но без них невозможно познание мира в нынешней познавательной парадигме.

Информационный, «знаний» характер культуры, индивидуализация, характерная для современного социума, требуют нового типа интеграции. Интеграция также должна осуществляться через знания, информационную деятельность, через развитие разных типов и стратегий мышления.

Интеграция необходима там, где идет процесс дифференциации, и она может происходить на разных уровнях: на инструментальном (например, исполнение какого-то технического задания), на уровне социального взаимодействия (организация группы, коллектива, социального института). Здесь она может быть иерархической, сетевой или еще какой-либо, и различаться по степени принуждения (от свободного членства до максимального принуждения, как в армии, монастыре, тюрьме). На социальном уровне интеграция обеспечивается правилами и нормами, правосознанием и законом, нормативной системой. И, наконец, интеграция осуществляется на символическом уровне, т.е. в информационном поле культуры. В нашей стране используются старые схемы, малоприспособленные для современного общества, для современного «состояния мира».

Процесс дифференциации-интеграции на деле трехактовый. Он включает в себя момент дезинтеграции. И все это происходит через посредство идеологии, т.е. общего информационного поля культуры, где не должно быть монополии именно потому, что монополия в этом процессе создает препятствия для развития свободы мышления, которое призвано ориентироваться в беспредельно сложном информационном поле культуры, различая, соединяя и формируя (через проекты) данные возможности. Мысль умножает их, превращая их в действительность, реализуя их. В отсутствии самостоятельного и свободного мышления

сужается и поле возможных правильных решений, которые следовало бы принимать тем, кто призван к этому. Поле возможностей определяется не только объективными данными, возможности определяются качеством мышления, его гибкостью, горизонтами, масштабами, многомерностью. На более высоком уровне развития открываются и новые возможности, они были и раньше, но оставались закрытыми. Говоря коротко, чтобы ориентироваться в многомерном информационном поле современного общества и культуры необходимо освободить мышление от жестких схем, раскрепостить его.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шмитт К. Государство и политическая форма. – М., 2010. – С. 94.

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы признания власти. Придание авторитета власти различается в современном и в традиционном обществе. Отсутствие метафизического измерения в современной культуре заставляет власть обращаться к частным институтам культуры, которые не в силах решить эту задачу. Ключ к решению этой задачи лежит в создании интеллектуальной элиты, раскрепощении мышления.

Ключевые слова: авторитет, власть, культура, традиция, интеллектуальная элита, идеология, религия, интеграция.

Summary

The article shows analysis of principles and traditions of comprehension of power. In traditional and modern society there are two types of acceptance the power. There are no any metaphysical dimensions in Modern culture. Power tries be based on different cultural institutes.

However institutes can't resolve this problem. The problem has two complementary solutions: making of brainpower and liberation of thinking.

Keywords: authority, power, culture, tradition, brainpower, ideology, religion, integration.